

Приложение II: Письма Human Rights Watch правительствам Сирии и России

Перевод с английского

17 августа 2020 г.

Госминистру по делам национального примирения
Али Хайдару,
Площадь Эль-Сабах Бахрат, Дамаск, Сирия

Уважаемый господин Государственный министр!

Имею честь обратиться к Вам от лица Human Rights Watch. Как Вам известно, мы являемся международной неправительственной правозащитной организацией, которая занимается расследованием и документированием нарушений прав человека более чем в 90 странах мира, включая Сирию.

Human Rights Watch планирует в скором времени опубликовать доклад по итогам нашего исследования сухопутных и авиационных ударов в провинции Идлиб. Была бы признательна за получение ответов на ряд приводимых ниже вопросов в связи с нашим исследованием. В интересах тщательного и объективного освещения ситуации просили бы предоставить ответы не позднее 7 сентября, с тем чтобы мы могли отразить позицию Сирии в готовящемся докладе.

Мы задокументировали 46 сухопутных и авиационных ударов со стороны сирийских правительственных и российских сил, в результате которых имели место прямые или не прямые попадания либо повреждения гражданских объектов и гражданской инфраструктуры в Идлибе за период с марта 2019 г. по март 2020 г. Большинство таких ударов наносились в районе четырех крупных населенных пунктов: Ариха, Идлиб, Джиср-эш-Шугур и Мааррет-эн-Нууман. Два удара зафиксировано в Мааррет-Мисрине в 10 км к северу от Идлиба, четыре – в четырех лагерях вынужденных переселенцев в районе населенных пунктов Эд-Дана, Хас и Сармада. В общей сложности в результате 46 ударов погибли по меньшей мере 212 и были ранены 560 гражданских лиц. Эти данные собраны нами на основании сообщений очевидцев, родственников пострадавших, местных жителей, работников местных администраций, медиков и спасателей. Полученные ранения разнятся

от крайне тяжелых вплоть до потери конечности до осколочно-фугасных разной степени тяжести.

В результате задокументированных нами ударов повреждения получили 12 медучреждений, две машины скорой помощи, 10 школ и одно дошкольное учреждение. Многие были вынуждены прекратить работу, иногда – окончательно. Пострадали также по меньшей мере пять рынков, четыре лагеря вынужденных переселенцев, четыре жилых района, две промзоны, тюрьма, церковь, футбольный стадион и офис неправительственной организации.

Нами выявлены устойчивая повторяемость несоблюдения законов и обычаев войны и, как представляется, неоднократные военные преступления, которые могут достигать уровня преступлений против человечности. Удары также серьезно осложнили пользование правом на здоровье, на образование и на достаточный уровень жизни, включая доступность жилья и питания.

Мы проинтервьюировали 113 пострадавших и очевидцев ударов, а также медиков, спасателей, учителей, работников местных администраций и военных экспертов по Сирии и России. Мы также изучили десятки спутниковых снимков и верифицировали 550 фотографий и видео, которые были сделаны в местах ударов и размещены в интернете во время или сразу после них.

В прилагаемой таблице приводятся данные по каждому из 46 задокументированных ударов, включая место, пострадавший гражданский объект, примерные дату и время. По каждому эпизоду были бы признательны за ответы по следующим вопросам (с максимальной детализацией), а также за любую другую информацию, которая могла бы прояснить обстоятельства удара и последующие расследования:

1. Известно ли сирийскому командованию о соответствующем ударе?
2. Имеют ли сирийские силы прямое отношение к данному удару?

Если да, то:

3. Какова была цель удара и была ли она поражена?
4. Имелась ли у сирийского командования до нанесения удара информация о присутствии в данном месте вражеских комбатантов? Если да, то каковы были оценки их численности?

5. Имелась ли у сирийского командования до нанесения удара информация о наличии в данном месте военных целей? Если да, то каковы были характер, использование и назначение таких целей? В чем заключалось искомое военное преимущество?
6. Наносился ли удар по заранее определенной цели, случайно выявленной цели или рамках тактической поддержки с воздуха наземных операций?
7. Какие меры были приняты сирийским командованием, чтобы убедиться в отсутствии гражданских лиц или гражданских объектов в зоне поражения? Использовались ли при этом разведданные с земли или от внешних источников?
8. Известно ли было сирийскому командованию о наличии в районе поражения гражданских лиц или гражданских объектов? Если да, то сколько гражданских лиц, по оценкам командования, находилось в районе поражения?
9. Какие меры предосторожности принимались сирийским командованием для минимизации гражданского ущерба, включая потери среди гражданского населения и повреждения гражданских объектов?
10. Проводилось ли сирийским командованием расследование последствий удара для гражданского населения и гражданских объектов в зоне поражения, включая потери среди гражданского населения? Если да, то каковы были выводы такого расследования и на какой информации они базировались?
11. Существуют ли процедуры, в рамках которых пострадавшие гражданские лица могут претендовать на компенсацию или так называемые «утешительные выплаты»?

Если нет, то:

12. Кем наносился удар?
13. Участвовали ли сирийские военные в разведывательно-информационном или материально-техническом обеспечении удара?
14. Участвовали ли сирийские военнослужащие или представители сирийского правительства в координировании удара, в том числе, но не ограничиваясь, в части предупреждения инцидентов в воздухе?
15. Участвовали ли сирийские силы в планировании или подготовке удара?
16. Имели ли сирийские силы решающий голос в вопросе о нанесении удара?
17. Кому принадлежало последнее слово в вопросе о нанесении удара?
18. Сообщалось ли сирийскому правительству о нанесении удара? Если да, то на каком уровне?
19. Проводилось ли сирийским командованием расследование последствий удара для гражданского населения и гражданских объектов в зоне поражения, включая потери среди гражданского населения? Если да, то каковы были выводы такого расследования и на какой информации они базировались?

Нам также хотелось бы знать, существует ли в сирийских вооруженных силах политика проведения расследований ударов, приведших к значительным гражданским потерям, вне зависимости от наличия или отсутствия оснований предполагать нарушение международного гуманитарного права? Если да, то как работают такие процедуры и публикуются ли результаты?

Насколько мы понимаем, с марта 2019 г. по март 2020 г. командную ответственность за действия сирийских правительственных сил в Идлибе могут нести:

- Президент, главнокомандующий вооруженными силами Сирии Башар Асад;
- Министр обороны генерал-лейтенант Али Абдулла Айюб;
- Командующий ВВС генерал-майор Ахмед Баллул.

Принимались ли в отношении указанных лиц или других военных командиров какие-либо меры реагирования по фактам нарушений норм международного гуманитарного права и/или иных уголовно наказуемых действий в связи с операциями в Идлибе в марте 2019 г. – марте 2020 г.?

При условии, что у сирийской стороны не будет возражений против опубликования той или иной информации, мы заинтересованы в том, чтобы отразить полученные ответы в готовящемся докладе, если они поступят нам не позднее 7 сентября.

Заранее благодарю Вас за внимание. Любые вопросы и комментарии можно адресовать .

Искренне Ваша

Ида Сойер,
и.о. директора по кризисам и конфликтам
Human Rights Watch

Перевод с английского

17 августа 2020 г.

Министру иностранных дел
Российской Федерации
С.Лаврову

119002, Москва, Смоленский бульвар, 32/34

К вопросу об операциях российской группировки войск в Идлибе, Сирия

Уважаемый Сергей Викторович!

Имею честь обратиться к Вам от лица Human Rights Watch. Как Вам известно, мы являемся международной неправительственной правозащитной организацией, которая занимается расследованием и документированием нарушений прав человека более чем в 90 странах мира, включая Сирию и Россию.

Мы высоко ценим диалог, сложившийся у нас с Министерством по сирийской проблематике.

Human Rights Watch планирует в скором времени опубликовать доклад по итогам нашего исследования сухопутных и авиационных ударов в провинции Идлиб на северо-западе Сирии. Была бы признательна за получение ответов на ряд приводимых ниже вопросов в связи с нашим исследованием. В интересах тщательного и объективного освещения ситуации просили бы предоставить ответы не позднее 7 сентября, с тем чтобы мы могли отразить позицию России в готовящемся докладе.

Мы задокументировали 46 сухопутных и авиационных ударов со стороны сирийских правительственных и российских сил, в результате которых имели место прямые или не прямые попадания либо повреждения гражданских объектов и гражданской инфраструктуры в Идлибе за период с марта 2019 г. по март 2020 г. Большинство таких ударов наносились в районе четырех крупных населенных пунктов: Эриха, Идлиб, Джиср-эш-Шугур и Мааррет-эн-Нууман. Два удара зафиксировано в Мааррет-Мисрине в 10 км к

северу от Идлиба, четыре – в четырех лагерях вынужденных переселенцев в районе населенных пунктов Эд-Дана, Хас и Сармада. В общей сложности в результате 46 ударов погибли по меньшей мере 212 и были ранены 560 гражданских лиц. Эти данные собраны нами на основании сообщений очевидцев, родственников пострадавших, местных жителей, работников местных администраций, медиков и спасателей. Полученные ранения разнятся от крайне тяжелых вплоть до потери конечности до осколочно-фугасных разной степени тяжести.

В результате задокументированных нами ударов повреждения получили 12 медучреждений, две машины скорой помощи, 10 школ и одно дошкольное учреждение. Многие были вынуждены прекратить работу, иногда – окончательно. Пострадали также по меньшей мере пять рынков, четыре лагеря вынужденных переселенцев, четыре жилых района, две промзоны, тюрьма, церковь, футбольный стадион и офис неправительственной организации.

Нами выявлены устойчивая повторяемость несоблюдения законов и обычаев войны и, как представляется, неоднократные военные преступления, которые могут достигать уровня преступлений против человечности. Удары также серьезно осложнили пользование правом на здоровье, на образование и на достаточный уровень жизни, включая доступность жилья и питания.

Мы проинтервьюировали 113 пострадавших и очевидцев ударов, а также медиков, спасателей, учителей, работников местных администраций и военных экспертов по Сирии и России. Мы также изучили десятки спутниковых снимков и верифицировали 550 фотографий и видео, которые были сделаны в местах ударов и размещены в интернете во время или сразу после них.

В прилагаемой таблице приводятся данные по каждому из 46 задокументированных ударов, включая место, пострадавший гражданский объект, дату и время. По каждому эпизоду были бы признательны за ответы по следующим вопросам (с максимальной детализацией, какую российская сторона сочтет возможной), а также за любую другую информацию, которая могла бы прояснить обстоятельства удара и последующие расследования:

20. Известно ли российскому командованию о соответствующем ударе?

21. Имеют ли российские силы прямое отношение к данному удару?

Если да, то:

22. Какова была цель удара и была ли она поражена?
23. Имелась ли у российского командования до нанесения удара информация о присутствии в данном месте вражеских комбатантов? Если да, то каковы были оценки их численности?
24. Имелась ли у российского командования до нанесения удара информация о наличии в данном месте военных целей? Если да, то каковы были характер, использование и назначение таких целей? В чем заключалось искомое военное преимущество?
25. Наносился ли удар по заранее определенной цели, случайно выявленной цели или рамках тактической поддержки с воздуха наземных операций?
26. Какие меры были приняты российским командованием, чтобы убедиться в отсутствии гражданских лиц или гражданских объектов в зоне поражения? Использовались ли при этом разведданные с земли или от внешних источников?
27. Известно ли было российскому командованию о наличии в районе поражения гражданских лиц или гражданских объектов? Если да, то сколько гражданских лиц, по оценкам командования, находилось в районе поражения?
28. Какие меры предосторожности принимались российским командованием для минимизации гражданского ущерба, включая потери среди гражданского населения и повреждения гражданских объектов?
29. Проводилось ли российским командованием расследование последствий удара для гражданского населения и гражданских объектов в зоне поражения, включая потери среди гражданского населения? Если да, то каковы были выводы такого расследования и на какой информации они базировались?
30. Существуют ли процедуры, в рамках которых пострадавшие гражданские лица могут претендовать на компенсацию или так называемые «утешительные выплаты»? Если да, то как они организованы?

Если нет, то:

31. Кем наносился удар?
32. Участвовали ли российские военные в разведывательно-информационном или материально-техническом обеспечении удара?
33. Участвовали ли российские военнослужащие или представители российского государства в координировании удара, в том числе, но не ограничиваясь, в части предупреждения инцидентов в воздухе?
34. Участвовали ли российские силы в планировании или подготовке удара?
35. Имели ли российские силы решающий голос в вопросе о нанесении удара?
36. Кому принадлежало последнее слово в вопросе о нанесении удара?
37. Сообщалось ли российскому командованию о нанесении удара? Если да, то на каком уровне?

38. Проводилось ли российским командованием расследование последствий удара для гражданского населения и гражданских объектов в зоне поражения, включая потери среди гражданского населения? Если да, то каковы были выводы такого расследования и на какой информации они базировались?

Нам также хотелось бы знать, существует ли в российских Вооруженных силах политика проведения расследований ударов, приведших к значительным гражданским потерям, вне зависимости от наличия или отсутствия оснований предполагать нарушение международного гуманитарного права? Если да, то как работают такие процедуры и публикуются ли результаты?

Насколько мы понимаем, с марта 2019 г. по март 2020 г. пост командующего российской группировкой войск в Сирии занимали:

- Генерал-полковник **Суровикин Сергей Владимирович** (по меньшей мере с марта 2019 г. до 10 апреля 2019 г.)
- Генерал-полковник **Сердюков Андрей Николаевич** (с 10 апреля 2019 г. до сентября 2019 г.)
- Генерал-лейтенант **Чайко Александр Юрьевич** (с сентября 2019 г. по меньшей мере до апреля 2020 г.)

Принимались ли командующими российской группировкой войск в Сирии с марта 2019 г. по март 2020 г. какие-либо меры реагирования по фактам нарушений норм международного гуманитарного права и/или иных уголовно наказуемых действий в связи с операциями в Сирии в марте 2019 г. – марте 2020 г.? Предпринимались ли такие меры нижестоящими должностными лицами российского командования? Если да, то когда и кем?

При условии, что у российской стороны не будет возражений против опубликования той или иной информации, мы заинтересованы в том, чтобы отразить полученные ответы в готовящемся докладе, если они поступят нам не позднее 7 сентября.

Заранее благодарю Вас за внимание. Любые вопросы и замечания можно адресовать

Искренне Ваша

Ида Сойер,
и.о. директора по кризисам и конфликтам
Human Rights Watch